

DOI: 10.31696/S086919080038306-3

К РАНЖИРОВАНИЮ ЗНАЧИМОСТИ ФАКТОРОВ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ
В СТРАНАХ АЗИИ И АФРИКИ МЕТОДАМИ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ¹© 2026 А.В. КОРОТАЕВ ^{a, b, c, d}, И.Ю. ЧЕРНОМОРЧЕНКО ^{a, c}, И.А. МЕДВЕДЕВ ^{a, f}^a – НИУ ВШЭ, Москва, Россия^b – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия^c – Институт Африки РАН, Москва, Россия^d – ORCID: 0000-0003-3014-2037; akorotayev@gmail.com^e – ORCID: 0009-0006-1860-1279; chekoioan@gmail.com^f – ORCID: 0000-0002-3451-3790; semyonkot@yandex.ru

Резюме: В статье методами машинного обучения проранжированы по их значимости факторы крупномасштабной вооруженной и невооруженной дестабилизации в странах Азии и Африки. Показано, что страны Африки в большей мере уязвимы к вооружённой дестабилизации (вплоть до полномасштабных гражданских войн), а страны Азии – к массовой невооружённой (антиправительственные демонстрации, массовые беспорядки, политические забастовки и т. п.). Ключевыми факторами вооружённой дестабилизации, кроме наличия вооруженного гражданского конфликта в прошлом году, выступают численность населения, финансовая помощь со стороны США, падение ВВП на душу населения, добыча ресурсов (нефти, золота) и доля молодежи. Низкий индекс эффективности государственного управления оказывается значим для вооружённой дестабилизации в Азии, а низкая урожайность зерновых – в Африке. Выявлено, что основными факторами невооружённой дестабилизации выступают низкий рост ВВП на душу населения, низкая урожайность зерновых, рост охвата образованием, коррупция и политические факторы (время пребывания первого лица у власти, промежуточные значения индекса электоральной демократии). Причем низкая легитимность правящей партии, фрагментация партий, судебная коррупция и резкое сокращение экспорта провоцируют невооружённую дестабилизацию в странах Азии. В Африке риски невооружённой дестабилизации возрастают при низких оборонных расходах на душу населения, высокой урожайности зерновых, резком сокращении импорта и системной коррупции. Показано, что в Африке низкая урожайность повышает риски вооружённой дестабилизации, тогда как относительно высокая урожайность увеличивает риски невооружённой дестабилизации. Рост охвата образованием снижает риски вооружённой, но повышает риски невооружённой дестабилизации в обоих макрорегионах. При этом молодые демократии в Африке в большей мере уязвимы к вооружённой дестабилизации, а гибридные режимы в Азии – к невооружённой. Коррупция значима преимущественно как фактор невооружённой дестабилизации. Финансовая помощь со стороны США значимее для прогнозирования вооружённой дестабилизации, особенно в Африке.

Ключевые слова: дестабилизация, страны Азии, страны Африки, экономические факторы, социальные факторы, политические факторы, машинное обучение

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-048) в 2026 г. при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-18-00650).

Для цитирования: Коротаев А.В., Черноморченко И.Ю., Медведев И.А. К ранжированию значимости факторов дестабилизации в странах Азии и Африки методами машинного обучения. *Восток (Oriens)*. 2026. № 3. С. 117–130. DOI: 10.31696/S086919080038306-3

FACTORS OF DESTABILIZATION IN ASIA AND AFRICA

© 2026

Andrey V. KOROTAYEV ^{a, b, c,}

Ivan Y. CHERNOMORCHENKO ^{a, c,} Ilya A. MEDVEDEV ^{a, f}

^a – HSE University, Moscow, Russia

^b – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^c – Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

^d – ORCID: 0000-0003-3014-2037; akorotayev@gmail.com

^e – ORCID: 0009-0006-1860-1279; chekoioan@gmail.com

^f – ORCID: 0000-0002-3451-3790; semyonkot@yandex.ru

Abstract: *This study employs machine learning methods to rank factors contributing to large-scale armed and unarmed destabilization across Asian and African countries. Analysis reveals that African nations demonstrate greater vulnerability to armed destabilization (up to full-scale civil wars), whereas Asian countries are more prone to less violent unarmed forms (mass antigovernment demonstrations, riots, general strikes and so on). Key predictors of armed destabilization – beyond the dominant factor of prior armed civil conflict – include population size, US foreign aid inflows, GDP per capita decline, and resource extraction (oil, gold). Crucially, low state effectiveness index emerges as a significant predictor exclusively for armed destabilization in Asia, while low cereal yields prove uniquely significant in Africa. For nonviolent destabilization, primary factors comprise low GDP per capita growth, poor cereal yields, expanded coverage of population with modern formal education, corruption, and political variables (incumbent duration, intermediate values of electoral democracy index). Notably, in Asia, the probability of unarmed protest destabilization is increased by low ruling party legitimacy, party system fragmentation, judicial corruption, and sharp export contractions. In Africa, risks of unarmed mass protest are increased by low military expenditure per capita, unusually high cereal yields, abrupt import reductions, and systemic corruption. Furthermore, expanded educational coverage reduces armed destabilization risks but amplifies less violent unarmed destabilization probability in both regions. Political regime analysis indicates that young democracies in Africa exhibit heightened vulnerability to armed destabilization, whereas hybrid regimes in Asia are more susceptible to nonviolent forms. Corruption turns out to predict nonviolent rather than armed destabilization.*

Keywords: destabilization, Asian countries, African countries, economic factors, social factors, political factors, machine learning

For citation: Korotayev A.V., Chernomorchenko I.Yu., Medvedev I.A. Factors of Destabilization in Asia and Africa. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 3. Pp. 117–130. DOI: 10.31696/S086919080038306-3

ВВЕДЕНИЕ

Несмотря на то, что прежде среди наиболее быстрорастущих экономик мира доминировали страны Азии, в последние годы среди них оказывается все больше африканских

стран. Если страны Восточной и Юго-Восточной Азии по большей части завершили демографический переход и индустриализацию, и другие страны континента следуют их пути, африканские страны находятся на ранней стадии завершения демографического перехода и осуществления структурной модернизации экономики [Иванов, 2019, с. 100; *Африка: пути модернизации экономики*, 2014, с. 10–17].

На фоне сохранения высоких темпов экономического роста в странах Африки активно формируется средний класс и расширяется доступ к образованию. В странах континента находятся богатые залежи природных ресурсов (полезных ископаемых и энергоносителей), критически важных для современной электронной промышленности (до 90% хрома и платины, около 60% мировых запасов алмазов, кобальта и марганца, около 40% мировых запасов золота, значительные запасы урана и редкоземельных металлов). Страны Африки обладают огромным потенциалом эксплуатации возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и повышения доступа к электроэнергии путем создания новых энергетических мощностей. Обозначенные факторы формируют огромный потенциал для социально-экономического развития стран континента [Гринин, Коротаев, 2024, с. 21–22; Guo et al., 2023; Nkoa et al., 2023].

При наличии перечисленных преимуществ страны Африки чаще других сталкиваются с проявлениями крупномасштабной дестабилизации. Страны обоих континентов (и Африки, и Азии) сталкиваются со схожей социально-политической нестабильностью, характеризующейся межэтническими и межконфессиональными конфликтами, борьбой за природные ресурсы и трудностями распределения доходов при быстром экономическом росте на фоне сохраняющейся бедности и неравенства. Однако страны Африки значительно более уязвимы перед описанными вызовами и угрозами: в то время как странам Азии по большей части удастся перенаправить связанную с процессами модернизации напряжённость в русло массовых протестных, преимущественно невооружённых, выступлений, на страны Африки приходится более половины проявлений крупномасштабной вооружённой дестабилизации с 2018 по 2023 г. [Медведев и др., 2024, с. 20].

Быстрая модернизация повышает риски дестабилизации в любой стране, но в странах Африки они оказываются еще выше вследствие сохранения слаборазвитости политических и государственных институтов, огромных социальных контрастов, запредельно высокого уровня бедности и безработицы, в особенности среди молодежи, и тотальной коррупции [Конфликты, 2013, с. 14–41]. Таким образом, несмотря на значительный потенциал социально-экономического развития, страны Африки будут сталкиваться с усугубляющейся хронической нестабильностью. Отличия в проявлениях вооружённой и невооружённой дестабилизации в странах Африки и Азии требуют изучения причин и специфики дестабилизационных процессов в странах обоих континентов. В настоящем исследовании модели машинного обучения используются для ранжирования и сравнения ключевых факторов, способствующих вооружённой и невооружённой дестабилизации в обоих макрорегионах.

МЕТОДОЛОГИЯ

В настоящем исследовании для ранжирования факторов вооружённой и невооружённой дестабилизации применяются модели машинного обучения, способные выявлять сложные паттерны в больших данных. Четкое разграничение форм дестабилизации необходимо из-за принципиальных различий в их природе, последствиях и факторах влияния: предикторы одной формы могут нелинейно влиять на риски другой. Мы применили модель CatBoost, эффективно обрабатывающую категориальные переменные без кодирования, что критически важно для социально-политических данных. В качестве зависимой переменной вы-

ступает факт внутривнутриполитического конфликта в стране-год. Факторы классифицировались как статистически значимые, если модели машинного обучения оценивали их значимость выше 2,0, и как погранично значимые при значениях ниже 2,0, но выше 1,5. Более подробное описание методологии и источников данных как для зависимых, так и независимых переменных см. в онлайн-приложении (прил. 1 <<https://doi.org/10.13140/RG.2.2.36722.57284>>).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ КРУПНОМАСШТАБНОЙ ВООРУЖЁННОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ В СТРАНАХ АЗИИ И АФРИКИ

Модели машинного обучения выявили несколько ключевых групп факторов, способствующих крупномасштабной вооружённой дестабилизации в обоих макрорегионах: факторы наличия конфликта, экономические факторы, демографические факторы, факторы, связанные с размером страны (площадь территории и численность населения), политические факторы, коррупционные факторы, а также климатические факторы. Из числа 49 предикторов, оцененных моделями машинного обучения, в Азии 9 были оценены как статистически значимые и 12 как погранично значимые, в то время как в Африке 15 были квалифицированы как статистически значимые и 14 как погранично значимые.

Таблица 1. Статистически значимые факторы, способствующие крупномасштабной вооруженной дестабилизации в странах Азии и Африки

№	Переменная	Азия	Африка
1.	Наличие вооружённого гражданского конфликта в прошлом году (UCDP_conflict_binary_lag)	25,19	12,70
2.	Финансовая помощь со стороны США, долл. (US_foreign_aid_obligations_constant_amount)	4,30	4,63
3.	Численность населения, тыс. (UN_Total_Population)	2,96	4,63
4.	Падение ВВП на душу населения, % (gap_GDP_per_capita_growth)	1,78	4,07
5.	Низкое значение индекса эффективности государственного управления (Bessinger_statecapacity)	3,45	1,17
6.	Промежуточное значение индекса электоральной демократии (0–1) (VDEM_v2x_polyarchy)	1,65	3,23
7.	Площадь территории, км ² (area1)	1,26	2,89
8.	Добыча нефти, ТВт/ч (BP Oil production (TWh))	2,04	2,85
9.	Изменение объема экспорта на душу населения, % (delta08)	1,11	2,75
10.	Индекс Джини после уплаты налогов (WID_Gini_PostInc)	0,93	2,68
11.	Низкое среднее число лет обучения (Mean_year_schooling_interpolated)	2,60	2,40
12.	Годовая инфляция, % (WB_InflationConsumerPrice)	1,91	2,54
13.	Изменение государственных расходов на душу населения, % (delta06)	1,30	2,52
14.	Низкая урожайность зерновых в прошлом году, кг/га (WB_Cereal_yields_lag)	1,91	2,49
15.	Доля мусульманского населения, % (Bessinger_percmuslim_plus_WPopReview_muslim_interpolated)	2,37	1,69

16.	Время пребывания первого лица у власти, лет (REIGN_Incumbent_duration)	1,13	2,37
17.	Добыча золота, т (USGS_GoldProduction)	2,24	0,80
18.	Низкий уровень урбанизации, % (BESS_plus_WB_Urbanization)	2,20	1,25
19.	Изменение усреднённой за 3 года урожайности зерновых, % (WB_Cereal_yields_percdiff_lag_3yr)	1,29	2,17

Составлена авторами по данным источников, указанных в онлайн-приложении (прил. 1 <<https://doi.org/10.13140/RG.2.2.36722.57284>>).

Наличие вооружённого конфликта в прошлом году (эффект инерции) оказывает ключевое влияние на риски вооружённой дестабилизации. Различия в его прогностической значимости отражают специфический характер крупномасштабных вооружённых конфликтов в макрорегионах. В Азии крупномасштабные гражданские войны происходят всё реже, уступая место более мелким внутренним этническим и конфессиональным конфликтам [Звягельская, 2017, с. 17], тогда как на страны Африки в последние годы приходится свыше половины гражданских войн и крупномасштабных террористических кампаний, происходящих в мире [Медведев и др., 2024, с. 20]. Модели машинного обучения выявляют меньшее количество статистически значимых предикторов для прогнозирования вооружённой дестабилизации в странах Азии, поскольку значимость наличия конфликта оказывается не просто ключевой, а доминирующей [Fearon, Laitin, 2003, р. 88]. При этом в Африке значимость ещё 3 предикторов, кроме наличия конфликта, оказывается выше 4.0, что позволяет классифицировать их как «наиболее значимые» – в Азии такого показателя значимости достигла только финансовая помощь со стороны США.

Таблица 2. Ключевые категории статистически и погранично значимых факторов для прогнозирования рисков крупномасштабной вооружённой дестабилизации в странах Азии и Африки

Категория	Азия	Африка
Экономические факторы	9	10
Демографические факторы	5	5
Политические факторы	3	2
Коррупционные факторы	1	3
Климатические факторы	1	4
Факторы размера страны (площадь территории и численность населения)	1	2
Факторы наличия конфликта (в прошлом году/соседних странах)	1	3

Составлена авторами.

Конфликты в соседних странах и в регионе погранично значимы в Африке и незначимы в Азии (таблицу факторов наличия конфликта см. в онлайн-приложении в прил. 2 <<https://doi.org/10.13140/RG.2.2.36722.57284>>). Их воздействие опосредовано миграцией, нормализацией насилия и общим снижением региональной безопасности, но эти эффекты вторичны и проявляются преимущественно в странах, характеризующихся становлением институтов власти [Денисова, Костелянец, 2010, с. 168]. В Азии их низкая статистическая значимость обусловлена доминированием наличия конфликта, хотя реальный дестабили-

зирующий эффект сохраняется, как демонстрирует пример Сирии и Ирака. Отличительной чертой конфликтов в Африке выступает их транснациональность [Сидорова, 2013, с. 8].

Широкая представленность экономических факторов частично обусловлена обратной причинностью, отражающей последствия уже длящихся конфликтов, а не их причины. В странах, зависимых от экспорта природных ресурсов, за началом войны следуют резкие экономические шоки. Модели фиксируют резкие изменения переменных в качестве значимых предикторов, однако в действительности они скорее сопутствуют дестабилизации.

Однако не все экономические факторы подвержены обратной причинности (таблицу экономических факторов см. в онлайн приложении 3 <<https://doi.org/10.13140/RG.2.2.36722.57284>>). Предикторы богатства природными ресурсами (добыча нефти, доля доходов от природных ресурсов) значимы в обоих макрорегионах: риски резко возрастают при наличии даже минимальных объемов. Доля страны в мировой торговле увеличивает риски для стран с долей выше среднего, что также связано с наличием природных ресурсов – страны с высоким экспортом, особенно в Африке, часто выступают экспортерами природных ресурсов.

Финансовая помощь со стороны США является наиболее значимым среди экономических факторов, хотя традиционно ассоциируется с невооружёнными формами. В Африке её значимость обусловлена слабостью политических и государственных институтов, в Азии – обратной причинностью (пример Афганистана). Значимость инфляции и изменения государственных расходов связана со схожими причинами: инфляция воздействует преимущественно на невооружённые формы дестабилизации [Жданов, Коротаев, 2024], которые сами по себе способствуют рискам. Рост государственных расходов традиционно связан с финансированием силовых структур, однако в Африке высокие расходы коррелируют с высокими рисками, а в Азии – с низкими.

Помимо численности населения, отнесённой к факторам размера страны, значимыми демографическими предикторами (таблицу демографических факторов см. в онлайн-приложении в прил. 4 <<https://doi.org/10.13140/RG.2.2.36722.57284>>) являются доля молодежи (15–24 лет) и плотность населения, что подтверждает теорию «молодёжных бугров» о влиянии быстрого роста населения и высокой доли молодежи на риски дестабилизации [Коротаев и др., 2012; Korotayev, Khokhlova, 2025]. Наиболее значимым негативным предиктором выступает среднее число лет обучения. Риски дестабилизации максимальны при 1–3 годах обучения в Азии и 1–4 в Африке. Урбанизация значима лишь в Азии с максимальными рисками при доле городского населения в 15–30%. В Африке её меньшая значимость обусловлена тем, что наиболее уязвимые страны континента часто также являются странами с самым молодым, бедным и малообразованным населением [Медведев и др., 2024, с. 29]. Доля мусульманского населения демонстрирует более высокую значимость в Азии [Гринин, 2020, с. 809–827; Халиков, 2019, с. 112–114] и пограничную значимость в Африке, где этническая и религиозная фрагментация снижает роль религиозной идентичности.

Среди демографических факторов единственным, отнесённым к категории «наиболее значимых», является общая численность населения, рассматриваемая в настоящем исследовании как фактор размера страны (таблицу факторов размера страны см. в онлайн-приложении в прил. 5 <<https://doi.org/10.13140/RG.2.2.36722.57284>>). Оба фактора повышают риски, так как чем больше площадь страны и её население, тем труднее оказывается поддерживать стабильность [Raleigh, Hegre, 2009, p. 224–225]. Их значимость выше в Африке с наиболее высокими рисками при населении ≥ 15 –20 миллионов. В Азии их значимость ниже благодаря более развитым государственным институтам и наличию эффективных силовых органов, способных поддерживать порядок на удалённых территориях,

однако численность населения ≥ 50 миллионов также остаётся ключевым предиктором для вооружённой дестабилизации.

Индекс эффективности государственного управления (таблицу политических факторов см. в онлайн-приложении в прил. 6 <<https://doi.org/10.13140/RG.2.2.36722.57284>>) выступает ключевым предиктором в Азии, поскольку именно страны с формирующимися институтами власти чаще подвергаются вооружённой дестабилизации [Сидорова 2013, с. 13–14]. Низкие значения от $-1,5$ до 0 коррелируют с наиболее высокими рисками, отражая неспособность государства обеспечивать безопасность и поддерживать стабильность на своей территории. В Африке даже относительно стабильные страны уязвимы из-за трансграничных угроз [Медведев и др., 2024, с. 28–29], а антиправительственные демонстрации чаще трансформируются в острейшие продолжительные политические выступления, а затем в вооружённые противостояния, переходящие в гражданские войны.

Индекс электоральной демократии коррелирует с рисками вооружённой дестабилизации в Африке при значениях выше $0,6$. Подобные значения для Африки обусловлены периодом 1990-х гг., когда попытки демократических реформ нередко приводили к гражданским войнам. Время пребывания у власти демонстрирует U-образную зависимость: наибольшие риски проявляются в начальный период правления (первые 5 лет в Азии, первые 15 лет в Африке). После этого периода риски снижаются до минимума к 25 годам правления, после чего снова возрастают.

Ни один коррупционный фактор (таблицу коррупционных факторов см. в онлайн-приложении в прил. 7 <<https://doi.org/10.13140/RG.2.2.36722.57284>>) не достиг статистической значимости для вооружённой дестабилизации. В Азии наблюдается относительная стабильность при сравнительно умеренных уровнях коррупции, но в странах с системной политической коррупцией (при значениях $\geq 0,8$) риски резко возрастают. В Африке все индексы коррупции имеют сопоставимую слабую значимость, отражая её системный характер и связь с несправедливым распределением благ и зависимостью от внешней помощи.

Климатические факторы, связанные с урожайностью зерновых (таблицу климатических факторов см. в онлайн-приложении 8 <<https://doi.org/10.13140/RG.2.2.36722.57284>>), демонстрируют высокую значимость для прогнозирования вооружённой дестабилизации в Африке, что обусловлено высокой долей сельского населения, зависимостью от дождевых культур, низкой продовольственной безопасностью и ограниченными возможностями компенсировать климатические шоки [Hendrix, Glaser, 2007]. Риски оказываются максимальными при урожайности в прошлом году $1\text{--}2$ т/га или снижении урожайности на $20\text{--}40\%$ по сравнению с прошлым годом. В Азии значимость климатических факторов слабее. При этом в странах Южной Азии (на севере Индии, в Пакистане и Бангладеш) климатические факторы оказывают более явное дестабилизирующее воздействие [Сдасюк, 2018, с. 250–251].

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ КРУПНОМАСШТАБНОЙ НЕВООРУЖЁННОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ В СТРАНАХ АЗИИ И АФРИКИ

К настоящему времени вполне убедительно показано, что факторы вооружённой и невооружённой дестабилизации очень существенно различаются [Коротаев и др., 2025; Korotaev et al., 2018, 2025]; поэтому их надо рассматривать отдельно. Для невооружённой дестабилизации выявлено 26 значимых факторов: на $36,8\%$ больше, чем для вооружённой. В Азии значимыми оказались 17 факторов, в Африке – 18. Число предикторов в Азии оказалось практически вдвое больше – в Африке их больше всего на четверть. Число погранично значимых факторов составило 9 в Азии и 12 в Африке.

Таблица 3. Статистически значимые факторы, способствующие крупномасштабной невооружённой дестабилизации в странах Азии и Африки

№	Переменная	Азия	Африка
1	Низкий рост ВВП на душу населения, % (gap_GDP_per_capita_growth)	7,10	5,89
2	Низкие оборонные расходы на душу населения, % (military2)	2,23	6,98
3	Низкая доля доходов от природных ресурсов в Азии, высокая – в Африке, % от ВВП (WB_Natural_resource_rent)	5,71	2,36
4	Изменение усреднённой за 3 года урожайности зерновых, % (WB_Cereal_yields_percdiff_lag_3yr)	5,56	3,30
5	Низкая урожайность зерновых в прошлом году, кг/га (WB_Cereal_yields_lag)	4,12	3,86
6	Изменение объема экспорта на душу населения, % (delta08)	3,82	2,17
7	Индекс Джини после уплаты налогов (WID_Gini_PostInc)	3,69	2,18
8	Изменение объема импорта на душу населения, % (delta07)	1,72	3,28
9	Изменение урожайности зерновых, % (WB_Cereal_yields_percdiff)	2,74	3,24
10	Число вооружённых гражданских конфликтов в странах региона, исключая страну (Sosedl_Main_dv)	3,22	1,95
11	Годовая инфляция, % (WB_InflationConsumerPrice)	3,10	2,56
12	Доля молодежи 15–24 лет в населении от 15 лет, % (WPP_15_24_share_15plus)	1,29	3,09
13	Изменение государственных расходов на душу населения, % (delta06)	2,48	3,04
14	Число вооруженных гражданских конфликтов в соседних странах (Sosedl_UCDP_intensity_level)	2,65	3,00
15	Низкая легитимность правящей партии (legis06)	2,70	1,23
16	Низкая добыча нефти, ТВт/ч (BPOil production (TWh))	2,52	1,52
17	Численность населения, тыс. (UN_Total_Population)	1,07	2,52
18	Высокая доля страны в мировой торговле (trade5) для Африки (незначимо для Азии)	0,88	2,52
19	Индекс коррупции в государственном секторе (VDEM_v2x_pubcorr)	1,84	2,46
20	Коэффициент рождаемости (WB_Fertility.rate.total.births.per.woman)	2,41	1,98
21	Низкий индекс эффективности государственного управления (Bessinger_statecapacity)	1,53	2,30
22	Индекс политической коррупции (VDEM_v2x_corr)	1,78	2,27
23	Финансовая помощь со стороны США, долл. (Us_foreign_aid_obligationsconstant_amount)	1,47	2,27
24	Средние значения индекса электоральной демократии (0–1) (VDEM_v2x_polyarchy)	2,23	1,65
25	Индекс судебной коррупции (VDEM_v2jucorrde)	2,18	1,39
26	Время пребывания первого лица у власти, лет (REIGN_Incumbent_duration)	1,20	2,09

Составлена авторами по данным источников, указанных в онлайн-приложении (прил. 1 <<https://doi.org/10.13140/RG.2.2.36722.57284>>).

Отсутствие доминирующего предиктора особенно заметно в Азии, где наличие/отсутствие вооружённого конфликта в прошлом году подавляло другие переменные при оценке риска крупномасштабной вооружённой дестабилизации – среди факторов невооружённой дестабилизации удалось выявить более разнообразный набор значимых предикторов. Конфликты в странах региона и в соседних странах значимы в обоих макрорегионах (таблицу факторов размера страны см. в онлайн-приложении в прил. 9 <<https://doi.org/10.13140/RG.2.2.36722.57284>>). В Африке выше значимость конфликтов в соседних по сухопутной границе странах, что обусловлено слабым контролем за приграничными территориями, в Азии – конфликтов в регионе в целом.

Для невооружённой дестабилизации, как и вооружённой, характерно преобладание экономических факторов (таблицу экономических факторов см. в онлайн-приложении в прил. 10 <<https://doi.org/10.13140/RG.2.2.36722.57284>>). В Африке их число на треть больше, чем в Азии. Наиболее значимыми экономическими предикторами выступают низкий рост ВВП на душу населения в Азии и низкие оборонные расходы на душу населения (за чем стоит слабость силового блока) в Африке. Предиктором со схожими значимостью и характером воздействия являются резкие скачки цен. Обратная причинность также характерна для невооружённой дестабилизации, однако её воздействие выражается в меньшей мере.

Таблица 4. Ключевые категории статистически и погранично значимых факторов, для прогнозирования рисков крупномасштабной невооружённой дестабилизации в странах Азии и Африки

Категория	Азия	Африка
Экономические факторы	10	14
Демографические факторы	4	6
Политические факторы	4	5
Коррупционные факторы	3	2
Климатические факторы	3	4
Факторы наличия конфликта (в прошлом году/в соседних странах)	2	2

Составлена авторами.

В Азии риски крупномасштабной невооружённой дестабилизации минимальны при росте ВВП на душу населения $\geq 2.5\%$, в то время как стагнация или отрицательная динамика резко повышают их. В Африке такого рода риски возрастают только при сокращении ВВП на 5% и выше. Высокие оборонные расходы значительно снижают риски невооружённой дестабилизации в обоих макрорегионах (но в Африке этот эффект заметно более выражен). В Африке доля ресурсных доходов коррелирует с рисками невооружённой дестабилизации положительно, а в Азии – отрицательно (т. е. в Азии мы имеем дело уже скорее с эффектом «ресурсного благословения», чем «ресурсного проклятия»; подробнее об этих эффектах см.: [Коротаев и др., 2025, с. 227–228]). Доля страны в мировой торговле выступает значимым предиктором только в Африке, что обусловлено менее очевидной связью переменной в Азии с богатством природными ресурсами.

Финансовая помощь со стороны США оказывается менее значима для невооружённых форм, сохраняя значимость только в Африке. Меньшая значимость предиктора по сравнению с вооружёнными формами, вероятно, связана с тем, что иностранная помощь

чаще попадает к негосударственным и другим вооружённым группам, провоцируя именно вооружённые конфликты [Пономарев, Уланова, 2023, с. 56]. В Африке множество стран критически зависимы от импорта продовольствия, топлива и медикаментов (во время кризисов, при неурожае или в малых странах на три эти категории может приходиться 60–75% всего импорта) [Морозенская и др., 2024, с. 85]. Девальвация валют или рост мировых цен ведут к немедленному снижению доступности импорта, провоцируя недовольство из-за недоступности базовых товаров и «голодные бунты» [Иванов, Шишкина, 2018, с. 460–461; Жданов, Коротаев, 2024]. В более развитых азиатских странах более высокие риски связаны с экспортными шоками, затрагивающими занятость и доходы миллионов работников.

Для невооружённых форм ключевыми демографическими предикторами в Африке выступают доля молодежи (15–24 лет), численность населения и высокая рождаемость (таблицу демографических предикторов см. в онлайн-приложении в прил. 11 <<https://doi.org/10.13140/RG.2.2.36722.57284>>). В Азии значимость этих факторов менее выражена, поскольку в большинстве стран макрорегиона уже завершён демографический переход. В отличие от рисков вооружённой дестабилизации, устойчиво отрицательно коррелирующих с охватом населения современным образованием, с вероятностью массовой невооружённой протестной активности этот показатель коррелирует скорее положительно (ср.: [Устюжанин и др., 2023]), при этом в Азии этот эффект выражен более сильно, чем в Африке.

Ключевым по значимости политическим предиктором невооружённой дестабилизации (таблицу политических факторов см. в онлайн-приложении в прил. 12 <<https://doi.org/10.13140/RG.2.2.36722.57284>>) в Азии выступает критически низкий уровень легитимности правящей партии. Воздействие индекса эффективности государственного управления отличается в обоих макрорегионах: в Африке риски невооружённой дестабилизации возрастают в странах с умеренным значением индекса, поскольку минимально работоспособные институты власти порождают новые ожидания и возможности, будучи неспособными устойчиво справляться с возникающими вызовами и угрозами. В Азии, наоборот, такие риски оказываются наиболее высокими в странах с низким значением рассматриваемого индекса. Кроме того, риски массовой невооружённой протестной дестабилизации наиболее высоки в странах с промежуточными значениями индекса электоральной демократии (что соответствует анократиям/промежуточным режимам: частичным автократиям и частичным демократиям), при этом в Азии данный эффект более выражен.

Фрагментация партийной системы создает вакуум лидерства и обостряет конкуренцию между политическими акторами. В странах с высокой долей дискриминируемого населения дискриминируемые группы сохраняют протестный потенциал практически постоянно, что в кризисах ведет к быстрому распространению протестных настроений от маргинализированных групп к обществу в целом [Конфликты, 2013, с. 16–22].

Коррупционные факторы безусловно значимы для невооружённой протестной дестабилизации (таблицу коррупционных факторов см. в онлайн-приложении в прил. 13 <<https://doi.org/10.13140/RG.2.2.36722.57284>>). В Азии наибольшую значимость имеет судебная коррупция, что обусловлено нетерпимостью к нарушениям в правосудии в странах с развитыми институтами власти, тогда как в Африке доминируют предикторы, отражающие системную коррупцию в странах макрорегиона.

Климатические факторы выступают ключевыми предикторами в обоих макрорегионах (таблицу климатических факторов см. в онлайн-приложении в прил. 14 <<https://doi.org/10.13140/RG.2.2.36722.57284>>). При этом в Азии их значимость оказалась выше, чем в Африке, несмотря на выводы о большей уязвимости Африканского континента перед климатическими вызовами. Обнаружена нелинейная зависимость между урожайностью зерновых

и рисками невооружённой дестабилизации. В Азии урожайность, не превышающая 3 т/га, коррелирует с существенными рисками, особенно в густонаселенных странах (Бангладеш, Филиппины). В Африке риски невооружённой дестабилизации возрастают в странах с урожайностью выше среднего (хотя и остающейся низкой в глобальном масштабе).

Данная зависимость объясняется более высоким уровнем экономического и институционального развития стран с более высокой урожайностью, вследствие чего для них более характерны невооружённые формы дестабилизации. При этом процентное изменение показателя по отношению к прошлому году демонстрирует высокие риски исключительно при снижении урожайности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подытоживая проведенный анализ, можно сделать вывод, что крупномасштабная вооружённая дестабилизация преобладает в Африке, в то время как для Азии более характерна массовая невооружённая дестабилизация. Конфликты в Африке чаще трансграничные. В Азии из-за доминирующего значения конфликта в прошлом году меньшее количество предикторов вооружённой дестабилизации были оценены в качестве значимых. Отсутствие доминирующего предиктора для невооружённой дестабилизации позволило классифицировать на 36,8% больше значимых факторов. Схожее воздействие на риски дестабилизации обеих форм демонстрируют неравенство, конфликты в соседних странах, факторы «молодёжного бугра» и политические факторы.

Финансовая помощь со стороны США значимее для вооружённой дестабилизации, хотя традиционно связывается с невооружённой. Дестабилизирующий эффект инфляции для невооружённых форм самостоятелен, но для вооружённых форм он обусловлен преимущественно обратной причинностью. Высокая значимость факторов размера страны для вооружённой дестабилизации позволила классифицировать их в качестве отдельной категории факторов. Численность населения остается ключевым предиктором вооружённой дестабилизации в обоих макрорегионах, с наиболее высокими рисками при населении ≥ 50 миллионов в Азии и ≥ 15 –20 миллионов в Африке. Рост охвата населения современным формальным образованием увеличивает вероятность невооружённой и снижает риски вооружённой дестабилизации в обоих макрорегионах.

Индекс эффективности государственного управления выступает ключевым политическим предиктором как для обоих типов дестабилизации: низкие значения индекса коррелируют с высокими рисками вооружённой дестабилизации в Азии, а средние и высокие – с рисками невооружённой дестабилизации в Африке. Воздействие времени пребывания первого лица у власти несколько различается. Для вооружённых форм риски наиболее высоки в первые сроки, снижаются, но растут после 30 лет. Для невооружённых форм риски плавно растут до 25 лет, затем резко возрастают. Коррупция значима только как фактор невооружённой дестабилизации.

Связанные с урожайностью зерновых и её изменениями климатические факторы значимы для обеих форм дестабилизации, но, если в Азии они воздействуют схожим образом, в Африке дестабилизирующий эффект урожайности зерновых оказывается прямо противоположным для вооружённой и невооружённой дестабилизации: низкие показатели урожайности коррелируют с вооружёнными конфликтами, высокие – с массовой протестной активностью.

В Африке с наибольшими рисками вооружённой дестабилизации сталкиваются богатые природными ресурсами страны с формирующимися институтами власти, большой численностью населения и территорией. Добыча нефти и доля ресурсных доходов значимы для

прогнозирования вооружённой дестабилизации в обоих макрорегионах. Однако добыча золота увеличивает риски в Африке, но снижает в Азии. Доля в мировой торговле повышает риски в зависимых от экспорта ресурсов африканских странах и снижает в диверсифицированных азиатских странах. В Африке богатство природными ресурсами значительно повышает риски, тогда как в Азии риски выше в странах, лишённых природных ресурсов.

В Азии более значимыми оказываются политические предикторы, отражающие состояние политических институтов. В Африке среди значимых политических предикторов преобладают индекс эффективности государственного управления, время пребывания первого лица у власти и доля дискриминируемого населения. Среди коррупционных предикторов в Африке наиболее значимы общие индексы коррупции, тогда как в Азии основное влияние оказывает индекс судебной коррупции. Воздействие демографических факторов схоже в обоих макрорегионах, однако в Африке значимых демографических предикторов оказывается больше.

Индекс электоральной демократии коррелирует с рисками вооружённой дестабилизации в Африке при значениях >0.6 и невооружённой дестабилизации в Азии в диапазоне $0.4-0.7$, демонстрируя, что наиболее уязвимыми к вооружённой дестабилизации в Африке по мере их появления будут именно молодые демократии. При этом наибольшие риски невооружённой дестабилизации в Азии характерны для стран с переходным и гибридным политическим режимом. Высокая значимость финансовой помощи со стороны США для прогнозирования вооружённой дестабилизации в Африке, вероятно, обусловлена уязвимостью стран макрорегиона перед внешним вмешательством и неэффективным распределением международной помощи. Риски невооружённой дестабилизации возрастают в Африке при резком сокращении импорта, а в Азии – экспорта. Конфликты в соседних странах по сухопутной границе значимее в Африке из-за слабого контроля границ, тогда как в Азии более значимы конфликты в странах региона в целом.

Среди экономических предикторов наиболее значимы для невооружённой дестабилизации в Африке оборонные расходы на душу населения, однако их воздействие различается. В Азии высокие расходы снижают риски обоих типов. В Африке высокие оборонные расходы коррелируют с максимальными рисками вооружённой и минимальными рисками невооружённой дестабилизации.

Несмотря на большую уязвимость Африки перед климатическими угрозами, для прогнозирования невооружённой дестабилизации климатические факторы оказались значимее в Азии. Вероятно, дефицит продовольствия в Азии чаще ведёт к протестам, а в Африке – к вооружённым конфликтам. Климатические факторы входят в пятерку наиболее значимых предикторов невооружённой дестабилизации в обоих макрорегионах. Воздействие урожайности зерновых на оба типа дестабилизации в Азии практически идентично, однако в Африке высокие риски вооружённой дестабилизации характерны для стран с минимальной урожайностью, а невооружённой – для стран с урожайностью выше среднего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Африка: пути модернизации экономики. М.: ИАФР РАН, 2014 [*Africa: Paths of Economic Modernization.* Moscow: IAS RAS, 2014 (in Russian)].

Гринин Л.Е. Радикальный исламизм, религиозный фактор и дестабилизация в странах афроазиатской макрзоны нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник.* Часть 2. Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, Д.А. Быканова. Волгоград: Учитель, 2020. С. 809–827 [Grinin L.E. Radical Islamism, Religious Factor and Destabilization in the Countries of the Afroasian Macrozone of Instability. *Systemic Monitoring of Global and Regional Risks.* Part 2. L.E. Grinin, A.V. Korotayev, D.A. Bykanova (eds.) Volgograd: Uchitel, 2020. Pp. 809–827 (in Russian)].

Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Африка: геополитические мир-системные аспекты и возможности России. *Век глобализации*. 2024. № 4. С. 20–35 [Grinin L.E., Korotayev A.V. Africa: Geopolitical World-System Aspects and Opportunities for Russia. *Age of Globalization*. 2024. No. 4. Pp. 20–35 (in Russian)].

Денисова Т.С., Костелянец С.В. Политические конфликты в Африке: причины возникновения и способы урегулирования (по материалам западных публикаций). *Восток (Oriens)*. 2010. № 4. С. 168–177 [Denisova T.S., Kostelyanets S.V. Political conflicts in Africa: causes and resolution (based on Western publications). *Vostok (Oriens)*. 2010. No. 4. Pp. 168–177 (in Russian)].

Жданов А.И., Коротаев А.В. Инфляционное давление и революционная дестабилизация: оценка воздействия и сравнительный анализ. *Социология власти*. 2024. Т. 36. № 2. С. 113–141 [Zhdanov A.I., Korotayev A.V. Inflationary Pressure and Revolutionary Destabilization: Impact Assessment and Comparative Analysis. *Sociology of Power*. 2024. Vol. 36. No. 2. Pp. 113–141 (in Russian)].

Иванов Е.А., Шишкина А.Р. Агфляция и риски социально-политической дестабилизации в постсоветской Центральной Азии. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник*. Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев, К.В. Мещерина. Волгоград: Учитель, 2018. С. 453–474 [Ivanov E.A., Shishkina A.R. Agflation and risks of socio-political destabilization in post-Soviet Central Asia. *Systemic Monitoring of Global and Regional Risks*. L.E. Grinin, A.V. Korotayev, K.V. Meshcherina (eds.) Volgograd: Uchitel, 2018. Pp. 453–474 (in Russian)].

Иванов С.Ф. Демографический переход в Африке к югу от Сахары. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2019. Т. 11. № 2. С. 99–114 [Ivanov S. Demographic Transition in Sub-Saharan Africa. *Journal of the Institute for African Studies*. 2019. Vol. 11. No. 2. Pp. 99–114 (in Russian)].

Конфликты в Африке: причины, генезис и проблемы урегулирования (этнополитические и социальные аспекты). М.: ИАФР РАН, 2013 [Conflicts in Africa: causes, genesis and conflict resolution (ethno-political and social aspects). Moscow: IAS RAS, 2013 (in Russian)].

Коротаев А., Гринин Л., Устюжанин В., Файн Е. Пятое поколение исследований революции. Систематический обзор. *Логос*. 2025. Т. 35. № 1. С. 191–316 [Korotayev A., Grinin L., Ustyuzhanin V., Fain E. The Fifth Generation of Revolution Studies. A Systematic Review. *Logos*. 2025. Vol. 35. No. 1. Pp. 191–316 (in Russian)].

Коротаев А.В., Малков С.Ю., Бурова А.Н., Зинькина Ю.В., Ходунов А.С. Ловушка на выходе из ловушки. Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события арабской весны 2011 г. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития*. Ред. А.А. Акаев. М.: Librokom/URSS, 2012. С. 210–276 [Korotayev A.V., Malkov S.Y., Burova A.N., Zinkina Y.V., Khodunov A.S. A trap at the escape from the trap. Mathematical modeling of socio-political destabilization in the countries of the world-system periphery and the events of the Arab spring of 2011. *Modeling and predicting global, regional and national development*. A.A. Akaev (ed.) Moscow: Librokom/URSS, 2012. Pp. 210–276 (in Russian)].

Медведев И.А., Устюжанин В.В., Зинькина Ю.В., Черноморченко И.Ю., Коротаев А.В. Опыт оценки рисков крупномасштабной вооруженной политической дестабилизации в странах Африки с использованием методов машинного обучения. *История и современность*. 2024. № 3. С. 18–44 [Medvedev I.A., Ustyuzhanin V.V., Zinkina Y.V., Chernomorchenko I.Y., Korotayev A.V. Experience in Assessing the Risks of Large-Scale Armed Political Destabilization in African Countries Using Machine Learning Methods. *History and Modernity*. 2024. No. 3. Pp. 18–44 (in Russian)].

Морозенская Е.В., Гаврилова Н.Г., Калиниченко Л.Н. Экономическая безопасность в странах Африки к югу от Сахары: возможные пути преодоления новых вызовов. *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024. Т. 67. № 2. С. 82–101 [Morozenskaya E.V., Gavrilo N.G., Kalinichenko L.N. Economic Security in Sub-Saharan Africa: Possible Ways to Address New Challenges. *Journal of the Institute for African Studies*. 2024. Vol. 67. No. 2. Pp. 82–101 (in Russian)].

Пономарев И.В., Уланова Н.С. Ситуация в Нигере: переходный или системный кризис? *Пути к миру и безопасности*. 2023. № 2 (65). С. 53–72 [Ponomarev I.V., Ulanova N.S. The situation in Niger: transitional or systemic crisis? *Pathways to Peace and Security*. Vol. 65. No. 2. Pp. 53–72 (in Russian)].

Сдасюк Г.В. Индия: обострение природно-экологических проблем и изменение сельскохозяйственной политики. *Труды Института востоковедения РАН*. 2018. № 12. С. 241–255 [Sdasyuk G.V. India: Acute Ecological Problems and Changes of Agricultural Policy. *Papers of the Institute of Oriental Studies of RAS*. 2018. No. 12. Pp. 241–255 (in Russian)].

Сидорова Г.М. *Вооруженные конфликты в Африке на примере Демократической Республики Конго*. М.: ИАФР РАН, 2013 [Sidorova G.M. *Armed conflicts in Africa. Case study of the Democratic Republic of Congo*. Moscow: IAS RAS, 2013 (in Russian)].

Устюжанин В., Степанищева Я., Галлямова А., Гринин Л., Коротаев А. Образование и риски революционной дестабилизации: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение*. 2023. Т. 22. № 1. С. 98–128 [Ustyuzhanin V., Stepanishcheva Y., Gallyamova A., Grinin L., Korotayev A. Education and Revolutionary Destabilization Risks: A Quantitative Analysis. *Russian Sociological Review*. 2023. Vol. 22. No. 1. Pp. 98–128 (in Russian)].

Халиков Р.И. Межконфессиональный конфликт на Филиппинах. *Современные востоковедческие исследования*. 2019. № 4. С. 108–117 [Khalikov R.I. Inter-confessional conflict in the Philippines. *Modern Oriental Studies*. 2019. No. 4. Pp. 108–117 (in Russian)].

Fearon J.D., Laitin D.D. Ethnicity, Insurgency, and Civil War. *American Political Science Review*. 2003. Vol. 97. No. 1. Pp. 77–90.

Guo Q., Abbas S., Abdulkareem H.K.K., Shuaibu M.S., Khudoykulov K., Saha T. Devising strategies for sustainable development in sub-Saharan Africa: The roles of renewable, non-renewable energy, and natural resources. *Energy*. 2023. Vol. 284. No. 5.

Hendrix C.S., Glaser S.M. Trends and triggers: Climate, climate change and civil conflict in Sub-Saharan Africa. *Political Geography*. 2007. Vol. 26. No. 6. Pp. 695–715.

Korotayev A., Grinin L., Ustyuzhanin V., Fain E. The Fifth Generation of Revolution Studies. Part I: When, Why and How Did It Emerge. *Critical Sociology*. 2025. Vol. 51. No. 2. Pp. 257–282.

Korotayev A., Khokhlova A. Islamic Monarchies, Youth Bulges, and Socio-political Destabilization: A Cross-National Investigation. *Comparative Sociology*. 2025. Vol. 24. No. 3. Pp. 327–350.

Korotayev A., Vaskin I., Bilyuga S., Ilyin I. Economic Development and Sociopolitical Destabilization: A Re-Analysis. *Clodynamics*. 2018. Vol. 9. No. 1. Pp. 59–118.

Nkoa B.E.O., Tadadjeu S., Njangang H. Rich in the dark: Natural resources and energy poverty in Sub-Saharan Africa. *Resources Policy*. 2023. Vol. 80. DOI: 10.1016/j.resourpol.2022.103264

Raleigh C., Hegre H. Population size, concentration, and civil war. A geographically disaggregated analysis. *Political Geography*. 2009. Vol. 28. No. 4. Pp. 224–238.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

КОРОТАЕВ Андрей Витальевич – доктор исторических наук, директор Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ; главный научный сотрудник, Центр цивилизационных и региональных исследований, ИАФР РАН, ведущий научный сотрудник ИВ РАН, Москва, Россия.

ЧЕРНОМОРЧЕНКО Иван Юрьевич – стажер-исследователь, Центр изучения стабильности и рисков, НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

МЕДВЕДЕВ Илья Александрович – младший научный сотрудник, Центр изучения стабильности и рисков, НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Andrey V. KOROTAYEV, DrSc (History), Professor, Director, Center for Stability and Risk Analysis, HSE University; Chief Research Fellow, Center for Civilizational and Regional Studies, Institute for African Studies; Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Ivan Y. CHERNOMORCHENKO, Research Intern, Center for Stability and Risk Analysis, HSE University, Moscow, Russia.

Ilya A. MEDVEDEV, Junior Research Fellow, Center for Stability and Risk Analysis, HSE University, Moscow, Russia.